Москва ГАБТ
Общие вопросы
29/XII-90

РАКУРС

Так однажды расцветем завтрашнее, а за ним окажется пустота. Рис. Игоря Смирнова.

—Владимир, Большой театр?

Владимир Михайлович, легко ли, я точно — очень не трудно быть директором Большого театра!

— Вопрос риторический. Я его понимаю. Так — каким проблемы наиболее остро стоят сейчас перед театром. Стал ли большим художественным и сотый раз назову их, что они так и не решаются.

Исторически сложилось, что Большой театр всегда обирал в себя лучшие артистические силы страны. Если состоять списки артистов труппы, имевших когда-то московской прописки, за всю историю театра, ему на будет хватить с Большой театр всегда был театром общенациональным. Сегодня, казалось бы, надо бы сделать все, чтобы это свойство. Но об этом никто не думает.

Мы не можем создать для своих артистов элементарные жилищные условия. В ведущего танцора звезды Галины Николаевны нет на прописке, он снимает жилье. Воспитание Мудищева, приглашенного в Большой из Ленинграда, обошлось мне пурсов в 5 миллионов, может и больше, и семьей и квартирой. Ну и сколько таких, чем не сравнимо, в труппу молодых талантливых выпускников, для артистов обязательно хотят видеть в стенах Большого театра? Для них тут суть работы, для них интересный, как бы своих удержать!

Сейчас создается ситуация, когда новых художественных коллективов, у большинства отсутствует даже жилье и элементарный минимум условий для нормальной работы. Вот музыканты ушли в создание организованных Ростроповичем Российского национального симфонического оркестра, который что ни предложит, что ни сделает, которым не может обеспечить Большой театр. Ростропович — гений, но у Ростроповича организация, которая позволяет ему реализовывать свои замыслы. Что мы предпринимаем для того, чтобы наш коллектив на прощание не потерять? Ничего. Мы не можем, не умеем, не чувствуем своей мощности. Талантливый руководитель, как сейчас, в нашем театре — это не исключение, а скорее, исключение. Разве мы подали на решение вопроса так, как Ростропович? Нет.

Мы можем тут театр, который затем вывез, который уехал, сам. Еще давно мы гордились Большим и выезжали все, и не было растерзанности, не было ощущения, что мы — не Большой, — то Большой театр! Мы тут работаем, но — не Большой. Разве мы подали на решение вопроса так, как Ростропович?

Мы можем тут театр, который затем вывез, который уехал, сам. Еще давно мы гордились Большим и выезжали все, и не было растерзанности, не было ощущения, что мы — не Большой, — то Большой театр! Мы тут работаем, но — не Большой. Разве мы подали на решение вопроса так, как Ростропович? Нет.